Голубина Книга сорока пядень

Да с начала века животленного
Сотворил Бог небо с землею,
Сотворил Бог Адама с Еввою,
Наделил питаньем во светлом раю,
Но светлом раю жити во свою волю.
Положил Господь на их заповедь великую:
А и жить Адаму во светлом раю,
Не скушать Адаму с едного древа
Того сладка плоду виноградного.
А и жил Адам во светлом раю,
Но светлом раю со своею со Еввою
А триста тридцать три годы.
Прелестила змея подколодная,
Приносила ягоды с едина древа,
Одну ягоду воскушал Адам со Еввою
И узнал промеж собою тяжкой грех,
А и тяжкой грех и великой блуд:
Согрешил Адаме во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою.
Оне тута стали в раю нагим-наги,
А нагим-наги стали, босешуньки, —
Закрыли соромы ладонцами,
Пришли оне к самому Христу,
К самому Христу Царю небесному.
Зашли оне на Фаор-гору,
Кричат-ревут зычным голосом:
«Ты небесный царь, Исус Христос!
Ты услышал молитву грешных раб своих,
Ты спусти на землю меня трудную,
Что копать бы землю копарулями,
А копать землю копарулями,
А и сеить семена первым часом».
А небесной Царь, милосердо свет,
Опущал на землю его трудную.
А копал он землю конарулями,

А и сеил семена первым часом,
Выростали семена другим часом,
Выжинал он семена третьим часом.
От своих трудов он стал сытым быть,
Обуватися и одеватися.
    От того колена от Адамова,
От того ребра от Еввина
Пошли христиане православныя
По всей земли Светорусския.
Живучи Адаме состарелся,
Состарелся, переставился,
Свята глава погребенная.
    После по той потопе по Ноевы,
А на той горе Сионския,
У тоя главы святы Адамовы
Выростала древа кипарисова.
Ко тому-та древу кипарисову
Выпадала Книга Голубиная,
Со небес та книга повыпадала:
В долину та книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцети пядей,
В толщину та книга тридцети пядей.
    А на ту гору на Сионскую
Собиралися-соезжалися сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
И сорок калик со каликою,
И могучи-сильныя богатыри,
Во единой круг становилися.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомонович,
Сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
А сорок калик со каликою
И все сильныя-могучи богатыри
А и бьют челом поклоняются
А царю Давыду Евсеечу:
«Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Подыми ты Книгу Голубиную,
Подыми книгу распечатывай,

Распечатывай ты, просматривай,
Просматривай ее, прочитывай:
От чего зачался наш белой свет?
От чего зачался со(л)нцо праведно?
От чего зачался и светел месяц?
От чего зачалася заря утрення?
От чего зачалася и вечерняя?
От чего зачалася темная ночь?
От чего зачалися часты звезды?»
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«Вы сорок царей со царевичем,
А и сорок королей с королевичем,
И вы сорок калик со каликою,
И все сильны-могучи богатыри!
Голубина Книга не малая,
А Голубина Книга великая:
В долину книга сорока пядей,
В толщину та книга двадцети пядей,
В толщину та книга тридцети пядей,
На руках держать книгу — не удержать,
Читать книгу — не прочести.
Скажу ли я вам своею памятью,
Своею памятью, своей старою,
От чего зачался наш белой свет,
От чего зачался со(л)нц о праведно,
От чего зачался светел месяц,
От чего зачалася заря утрення,
От чего зачалася и вечерняя,
От чего зачалася темная ночь,
От чего зачалися часты звезды.
А и белой свет — от лица Божья,
Со(л)нцо праведно — от очей его,
Светел месяц — от темечка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утрення и вечерняя — от бровей Божьих
Часты звезды — от кудрей Божьих!»
Все сорок царей со царевичем поклонилися,
И сорок королей с королевичем бьют челом,

И сорок калик со каликою,
Все сильны-могучи богатыри.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомович:
«Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Ты скажи, пожалуй, своею памятью,
Своею памятью стародавнею:
Да которой царь над царями царь?
Котора моря всем морям отец?
И котора рыба всем рыбам мати?
И котора гора горам мати?
И котора река рекам мати?
И котора древа всем древам отец?
И котора птица всем птицам мати?
И которой зверь всем зверям отец?
И котора трава всем травам мати?
И которой град всем градом отец?»
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«А небесной царь — над царями царь,
Над царями царь, то Исус Христос;
Акиян-море — всем морям отец.
Почему он всем морям отец?
Потому он всем морям отец —
Все моря из него выпали
И все реки ему покорилися.
А кит-рыба — всем рыбам мати.
Почему та кит-рыба всем рыбам мати?
Потому та кит-рыба всем рыбам мати —
На семи китах земля основана.
Ердань-река — рекам мати.
Почему Ердань-река рекам мати?
Потому Ердань-река рекам мати —
Крестился в ней сам Исус Христос.
Сионская гора — всем горам мати, —
Ростут древа кипарисовы,
А берется сера по всем церквам,
По всем церквам место ладану.
Кипарис-древа — всем древам отец.

Почему кипарис всем древам отец?
Потому древам всем отец —
На нем распят был сам Исус Христос,
То небесной Царь.
Мать божья плакала Богородица,
А плакун-травой утиралася,
Потому плакун-трава всем травам мати.
Единорог-зверь — всем зверям отец.
Почему Единорог всем зверям отец?
Потому Единорог всем зверям отец —
А и ходит он под землею,
А не держут его горы каменны,
А и те-та реки его быстрыя;
Когда выдет он из сырой земли,
А и ищет он сопротивника,
А того ли люта льва-зверя;
Сошлись оне со львом во чистом поле
Начали оне, звери, дратися:
Охота им царями быть,
Над всемя́ зверями взять большину́,
И дерутся оне о своей большине́.
Единорог-зверь покоряется,
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан — царем ему быть,
Царю быть над зверями всем,
А и хвост у него колечиком.
(А) Нагай-птица — всем птицам мати
А живет она н(а) Акиане-море,
А вьет гнездо на белом камене;
Набежали гости корабельщики
А на то гнездо Нагай-птицы
И на его детушек на маленьких,
Нагай-птица вострепенется,
Акиан-море восколыблется,
Кабы быстры реки разливалися,
Топят много бусы-корабли,
Топят много червленыя корабли,
А все ведь души напрасныя.
Ерусалим-град — всем градам отец.

Почему Иерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,
Что распят был в нем Исус Христос,
Исус Христос, сам небесной царь,
Опричь царства Московского».

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958.